Н.53
Ю.Ш.

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ ОТДЕЛ
РУССКОГО МУЗЕЯ

БИБЛИОТЕКА
Ю. М. Шокальского

ПЕТРОГРАД
1923

БИБЛИОТЕКА
Ю. М. Шокальского

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ ОТДЕЛ РУССКОГО МУЗЕЯ

3113

Н.53
Ю.Ш.

Библиотека
Географического
Общества
Союза ССР

Государственный Трест
„ПЕТРОПЕЧАТЬ"
Типография имени Ивана Федорова
Звенигородская, 11.

Петрооблит № 4490. — 2000 экз.

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ ОТДЕЛ
РУССКОГО МУЗЕЯ

ПЕТРОГРАД
1923

Напечатано по постановлению Совета Русского Музея.

Ученый Секретарь *Н. Черепнин.*

3 июня 1923 г.

Мысль о необходимости устройства в столице России, в Петербурге Центрального Этнографического Музея созрела уже давно и в течение последнего столетия подвергалась неоднократным и всесторонним обсуждениям. Однако, только с учреждением Русского Музея, призванного «выявить художественное и культурное состояние России», идея эта получила свое осуществление в Этнографическом его Отделе.

Начавший свою деятельность с 1902 года, Этнографический Отдел Русского Музея должен был преследовать две основные задачи: всемерное изучение отечественной этнографии и собирание предметов народного творчества. С тех пор в течение двадцати лет Отдел ведет непрерывную научно-исследовательскую работу и систематическое собирание вещественных документов, характеризующих материальный и духовный быт всех племен и народов, населяющих Россию и сопредельные с нею страны, связанные с нашим отечеством племенными и культурными взаимоотношениями. Последние десять лет, с постройкой здания Отдела и с оборудованием его основной музейной мебелью, ведется работа по экспозиции собранных в Музее коллекций.

Широко задуманный и хорошо обеспеченный средствами молодой Музей встретил мощную поддержку в среде русских этнографов. В его работах приняли участие многие десятки исследователей. Музей быстро рос и к концу первого десятилетия своей деятельности насчитывал свыше 2700 коллекций, состоящих из 140.000 предметов. К началу войны 1914 года был собран основной музейный фонд; в дальнейшем предстояло только пополнение пробелов и изучение собранных материалов.

Одна из отличительных особенностей человеческой культуры — ее динамика. Динамика свойственна всему органическому миру, но в человеческом творчестве индивидуальном и коллективном она имеет ту стремительность, которой мы нигде более не наблюдаем. Постепенно и медленно одни животные формы сменяются другими, медленно вымирают одни человеческие группы и на смену им являются новые, произведения же человеческого творчества, все то, что характеризует народный быт в его основных чертах и разновидностях, меняется изумительно быстро, в особенности в наше время. Тем большее значение имеют непрерывные систематические исследования народного быта и хранение памятников его творчества, ибо в них выявляется характер людских коллективов, в них отражается прошлое народов и намечаются пути дальнейшего развития.

Учреждение Этнографического Отдела Русского Музея и знаменует собою начало систематических

исследований быта многочисленных племен и народов необъятной России. Исследования эти, к счастью, были начаты еще до войны и революции, и собрания Отдела, приуроченные к определенной эпохе, характеризуют быт всего населения России последних десятилетий, хотя по многим народностям имеются значительные коллекции второй и даже первой половины прошлого века. Последние собрания, подобно многочисленным палеоэтнографическим коллекциям Отдела, весьма ценны для уяснения общего хода развития и эволюции народного быта. Новые формы общественной жизни диктуют новые пути развития народного быта, но только на общем фоне изжитого с полной отчетливостью выявляются новые достижения народного творчества.

Исследуя в эволюционной последовательности видоизменения отдельных элементов народного быта, Отдел, как Музей этнографический, главное внимание уделяет все же изучению народных организмов во всей совокупности их бытовых особенностей, выяснению тех законов, которые управляют сочетанием различных элементов в органическое целое, культурный комплекс.

Стремясь возможно более подробно представить быт племен и народностей России, Музей накопляет многочисленные коллекции предметов быта, хранящиеся в систематическом порядке. Эти основные собрания — неисчерпаемый материал для научных иссле-

дований, источник для экспозиционной части Музея и периодических выставок по разнообразным темам научного и образовательного значения.

Выставка Музея — одна из самых важных сторон его жизни. Здесь, в узких рамках здания, считаясь с архитектурными его особенностями, характером мебели и материальными рессурсами должны быть в ярких, по возможности, образах представлены особенности быта народов. Ограниченность места зачастую не позволяет выставить многие характерные, но громоздкие вещи, пробелы в собраниях по многим народностям лишают возможности с должной полнотой представить их быт, материал и форма каждой вещи требуют своих особых условий хранения, нарушая стройность проводимых на выставке идей. По условиям техническим в естественной обстановке могло быть представлено всего несколько групп, а из большого собрания моделей жилищ и построек — всего несколько образцов. По тем же причинам попытка в фотографиях дать наглядное представление о природных условиях жизни различных народностей могла быть осуществлена лишь частично. С другой стороны, такой крупный музей, как Этнографический Отдел Русского Музея, не может выставлять всего накопленного в нем материала. Нет нужды загромождать шкафы, витрины и щиты массою предметов в ущерб показательности, когда детали и варианты в большинстве случаев интересны только специалистам,

Северная Великороссия. Зал I

а последние имеют к своим услугам основные собрания, хранящиеся при том в условиях несравненно более удобных для изучения, чем предметы на выставке, прикрепленные к щитам или одетые на манекенах.

Экспонируя не более трети своих собраний, Отдел надеется впоследствии, поборов технические затруднения, значительно пополнить свою выставку, а в ближайшем будущем в ряде временных периодических выставок, посвященных специальным темам, сделать доступными посетителям и те научные ценности, которые пока хранятся в резервах и в обычное время доступны только специалистам.

За короткий период своей жизни Отдел пережил уже сложную эволюцию и в методике исследований и собирания материала, и в приемах и принципах экспозиции. Следы различных направлений проскальзывают во всех областях музейной работы и отразились на выставке. Почти готовая к открытию выставка Отдела в 1917 году была разрушена эвакуацией значительных коллекций и только после возвращения их из Москвы, при исключительно тяжелых внешних условиях, реконструкция выставки была произведена обновленным научным составом Отдела.

Много труда и усилий положено на закладку фундамента Русского Этнографического Музея, но главная работа еще впереди, и не одно поколение русских ученых потрудится над созданием одного из крупнейших памятников мировой культуры.

При всех недочетах Музея, зависящих от недостатка средств, времени и наличных сил, стремление сделать его возможно скорее доступным народным массам побудило Совет Музея теперь же открыть его для посетителей.

Вступая отныне в новую стадию жизни, не вполне еще сформированным, Музей, без сомнения, в широком общении с народом, изучению быта которого он служит, почерпнет новые силы и средства для дальнейшего развития и достойного осуществления своего культурного назначения.

Этнографический Отдел, насчитывающий в настоящее время в своих собраниях свыше 200.000 предметов, подразделяется на четыре Отделения и две Секции.

Первое Отделение занимается великорусской и финской этнографией. Объединение в одном Отделении великорусов и финнов продиктовано не столько единством занимаемой ими территории, сколько теми тесными культурными взаимоотношениями, которые исторически установились между более старыми засельниками Северной и Центральной России — финнами — и новыми колонизаторами — великорусами, на протяжении тысячелетия упорно усваивающими как громадное, далеко неблагоприятное по природным условиям, пространство, так и чуждое по происхождению древнее население области. Этот длительный процесс культурного завоевания, продолжающийся до настоящего времени, тесно связал

великорусскую и финские народности, отразив взаимные влияния, но не уничтожил многих этнических особенностей, свойственных каждой из них.

Как ни мощно было культурное воздействие русского населения на финнов, определенные бытовые черты финнов сохраняются у них местами даже на небольших изолированных от остальных финнов островках, сплошь окруженных господствующим великорусским населением, или больше того, переживают в среде самих великорусов, воспринявших от финнов не мало антропологических и бытовых особенностей.

Задача Первого Отделения, призванного исследовать громадную территорию, с давно живущим исторической жизнью и очень большим по количеству населением, обширна и сложна.

Великорусская народность, выкристаллизовавшаяся в процессе длительных и сложных взаимоотношений различных этнических элементов, заняв господствующее положение в государственной жизни страны, естественно, с давних пор в большей степени, чем другие народности, воспринимала внешние культурные влияния и подвергалась различным воздействиям. Вместе с тем, обособление ряда общественных групп — классов и сословий — расслоило великорусов, как этническую единицу, с присущими им определенными бытовыми особенностями и способствовало постепенной утрате сначала высшими и городскими сословиями, а затем и низшими, своеобразных костюмов, домаш-

ней обстановки, обычаев и т. д. Понятно поэтому стремление искать этнографических элементов в среде крестьянской, как менее тронутой культурными влияниями. Здесь мы и до сих пор часто находим очень старые и самобытные явления. Но и сюда просачивались культурные влияния через церковь, духовенство, армию и горожан даже в старое время, не говоря о последних десятилетиях, когда городские вкусы местами совершенно вытеснили народный быт.

Если теперь где-нибудь в деревенской глуши мы не видим городских костюмов, а находим сохранившиеся народные, то это вовсе не значит, что мы натолкнулись на самобытные формы. Нет, и эти формы, как старинные сарафаны, кокошники, вышивки и т. п. могут быть продуктом культурных влияний, но лишь не современных нам, а более давних. Вот почему проведение грани между народным и ненародным, этнографическим и неэтнографическим значительно сложнее, чем это кажется на первый взгляд. Тем большую тщательность должен был проявить Музей при собирании материала, необходимого для всесторонней характеристики данной народности. Тем большее значение получает исторический материал, хотя бы он касался не только крестьянства, так как в нем нередко мы находим ключ к пониманию бытовых явлений современной деревни.

Эти сложные влияния и связь современного с прошлым, городского и дворянского с крестьянским про-

ступают во всем народном быте, в частности в народных промыслах и искусстве, и затрудняют собирание и выставку материала.

Выставка Отделения, занимая левое крыло нижнего этажа здания Этнографического Отдела, размещена в шести залах следующим образом: первые три зала отведены великорусам IV, V и VI залы — финнам и близким к ним народностям (чуваши, мещеряки, бесермяне).

Выставляя великорусские коллекции, пришлось отказаться от первоначальной группировки всего материала по губерниям. Если оставлено погубернское деление для шкафов с одеждой и для специальных собраний, как например, архангельских деревянных игрушек, то выставлять по каждой губернии все предметы быта признано нецелесообразным. Поэтому великорусы распределены по областям.

Северно-великорусские губернии выделены, как область древней новгородской колонизации, сохраняющая до сих пор особенности северно-великорусского говора и своеобразного быта. Особый интерес Северной России, то обстоятельство, что Музей находится в данной области, и технические соображения побудили для северных великорусов отвести I зал Отделения. Налево от него во II зале представлена центральная область, группирующаяся около Москвы и находящаяся под сильным влиянием Московского центра и всей промышленной области с развитыми

фабрично-заводскими, кустарными и отхожими промыслами. Это наиболее бойкая и тронутая городом и культурой с ее положительными и отрицательными чертами часть Великороссии.

III зал, правый от входа из вестибюля, занят южно-великорусами центрального земледельческого пространства и отчасти украинских губерний, с совершенно особым бытовым обликом.

Это деление нарушается лишь деревянной резьбой, декоративно расположенной во всех залах, предметами, выставленными за колоннами по крыльям боковых зал и некоторыми серийными собраниями.

Из III зала, заканчивающегося Тамбовской губернией, мы переходим в IV зал к приволжским финнам, начинающимся на выставке с мордвы, живущей в значительном количестве в той же Тамбовской губернии.

Зал I представляет собрание предметов, характеризующих великорусов северных губерний в прошлом и настоящем. Живя в суровой обстановке, на территории, заселенной в старое время финнами и колонизованной новгородцами, настойчиво преодолевавшими все препятствия и вытеснявшими чуждые им элементы, перенеся не мало невзгод от государственного центра, обогатившего область вместе с тем крепкими и сильными людьми в лице искавших спасения от преследований старообрядцев, не зная в значительной своей части крепостничества, северные великорусы при-

обрели и сохранили не мало бытовых особенностей, которые представлены на выставке в виде своеобразия и богатства женских костюмов, в частности головных уборов, разнообразия вышивок, кружев, резного и расписного орнамента, построек, деревянных игрушек и промыслов. В глубоких зеркальных шкафах расположены по губерниям справа от входа из вестибюля: Псковская, Новгородская, Олонецкая и Архангельская, а слева: Вятская, Пермская, Костромская и Вологодская, при чем обыденные современные костюмы выставлены, главным образом, из Вологодской, Вятской и Пермской губерний. Женской одежды показано много больше, так как существенные различия можно отметить лишь в ней. Желание представить не только манекены, но дать более или менее живые группы могло быть по техническим условиям осуществлено лишь путем устройства в специальных нишах двух искусственных уголков изб: архангельской с люлькой и вологодской с печью. Из моделей, точно воспроизводящих по чертежам и обмерам оригиналы, помещены деревянная церковь Вологодской губернии и изба Олонецкой губернии.

Земледелие, рыболовство, охота и обработка растительных материалов, как основные занятия населения, показаны на ряде щитов. Кроме того, посредине зала выставлены земледельческие орудия, а различные виды рыболовных сетей подвешены над шкафами.

Предметы домашнего обихода и посуда представлены в большом количестве на щитах около упомянутых выше ниш и на полках над щитами и шкафами.

О своеобразных деревянных постройках можно судить по имеющимся моделям и серии фотографий церквей, часовен, жилых и хозяйственных построек. Средства передвижения не могли быть выставлены в полной степени. Помещенные в зале старинные, богато орнаментированные сани и двухколесная очень примитивная телега дополняются вывешенными в простенке фотографиями средств передвижения и путей сообщения. Вышивки, кружева и разнообразное шитье Северной области представлены на нескольких застекленных щитах. Особо выделены собрание женских головных уборов и украшений и архангельские деревянные игрушки. Интересно собрание ларцов, шкатулок, коробок и других изделий из кости.

Зал II отведен для центральных и приволжских губерний — Тверской, Ярославской, Владимирской, Московской, Нижегородской, Симбирской и Саратовской. Свойственные промышленному району бытовые особенности выявлены как в костюме, менее нарядном и разнообразном, чем в Северной России, так и в предметах, связанных с местными деревянными изделиями, в частности, игрушками, различными ремеслами и обработкой льна, играющего исключительную роль в жизни местного населения. Очень интересны собрания тверских глиняных изделий — посуды и игру-

В русской избе. Зал I

шек, а также костюмов и вышивок, собранных за последние два года.

В боковой стороне около колонн обособленно расположены не вполне связанные с районом изразцовые печи Ярославской, Вологодской и Пермской губерний и шкаф с двумя витринами, где выставлены предметы из раскопок в Старой Ладоге Петроградской губернии.

Южно-великорусский III зал, посвященный быту земледельческих губерний, полно представляет наиболее интересную особенность района — совершенно отличные формы одежды и в частности головных уборов. Вместо сарафана и кокошника здесь мы видим поневу и разнообразного вида сороки и кички с пестрыми украшениями. Яркая, с преобладанием красного и белого цветов, одежда, сшитая большею частью из домашней ткани, очень сильно отличает южно-великорусов, связывая их отдельными чертами то с украинцами, то с финнами. Образцы набойки, тканей для понев и других надобностей, собрания кружев и вышивок, расположенные по технике и материалу, дополняют выставленные в шкафах костюмы и отдельные принадлежности одежды. Здесь же рядом с фотографиями, иллюстрирующими земледельческое хозяйство области, выставлено пчеловодство. Около колонн на щитах и в шкафах представлены глиняные игрушки, металлическая старинная посуда и сравнительное собрание великорусской керамики. Кроме того, следует упомянуть выставленные в Рязанском

3113

Библиотека Географического Общества Союза ССР

шкафу и в витрине предметы, имеющие отношение к пережиткам в области культа.

В IV зале размещены приволжские финны: мордва-эрзя, мордва-мокша, черемисы и, подвергшиеся сильному влиянию турецкой группы народностей — чуваши.

Яркая картина одежды, украшений и вышивок представляет исключительный интерес и позволяет устанавливать тесную связь с однородными предметами у южно-великорусского населения в одежде, головных уборах, шитье и орнаменте. Выставленная в зале витрина с вещами из черемисских и древне-болгарских могильников, дополняя и объясняя предметы современного быта, углубляют наше представление о финско-русских культурных взаимоотношениях и подчеркивают значение палеоэтнографических памятников для изучения живого быта. На одном из щитов собрание предметов и фотографий дает понятие об остатках старых религиозных обрядов приволжских финнов.

Зал V, подразделенный на две половины, в первой части дополняет четвертый, показывая отуреченных финнов — мещеряков и бесермян, затем вотяков и пермяков. Наиболее полно представлены вотяки с их прекрасными вышивками. От них мы переходим к находящимся во второй половине зала зырянам, относящимся к той же финской группе. Живя в иной географической обстановке и других культурных

условиях, они значительно отличаются от близких к ним по происхождению пермяков. Здесь же выставлены лопари — небольшая финская народность, сохранившаяся на Кольском и Скандинавском полуостровах.

Выставленные коллекции дают представление о своеобразном быте полукочевого населения, живущего оленеводством, рыболовством и охотой в условиях полярной природы.

В VI зале, не открытом в виду непреодолимых технических затруднений, будут помещены финны, эсты с полуверцами, чухари и карелы, от которых непосредственно переходим, замыкая круг, как в зал Северной Великороссии, так и в Тверскую губ., где сохранилось больше всего карел.

Второе Отделение Этнографического Отдела должно представить быт украинцев, белорусов и других народностей им родственных, или оказывавших на них значительное влияние, или, наконец, сожительствующих с ними. По своей численности и значению украинцы занимают первое место между народностями, интересующими Отделение. На всем пространстве, населяемом ими, от Сана и верховьев Тиссы в Венгрии и до Кубани, украинцы сохранили основные черты своего быта неизменными. Благодаря сплошности украинского населения, к которому в виде значительных примесей присоединяются лишь поляки на северо-западе, великорусы на востоке и румыны,

немцы и др. на некоторых участках южной полосы, иноплеменные влияния получили распространение только на окраинах, не проникнув в центральную часть, которая на обширном пространстве имеет общий облик, самостоятельно эволюционирующий. Переходя отсюда к окраинам, мы различаем прежде всего те отклонения от этого облика, которые вызываются глубокими органическими связями с соседящей народностью. Такие глубокие связи существуют между украинцами и белорусами, почему особую важность для понимания культуры этих народов представляет изучение Волыни и Полесья — украинского и белорусского. Такие же связи раскрываются при сравнительном изучении этнографии западной Украины — Подолии, Буковины, Гуцульщины и этнографии южных славян, без чего многие явления украинской культуры не могут быть объяснены. Наконец, только путем такого же сравнительного изучения украинского материала с румынским, чехо-словакским и польским можно выяснить полную картину и значение их влияний, которые заметно отразились на украинском быту. Изучение польского материала чрезвычайно важно также и для понимания белорусской культуры, с другой стороны соприкасающейся с близкой ей культурой литовцев.

Таким образом, является необходимым объединение во Втором Отделении коллекций по этнографии обширной группы народов, из которых некоторые,

как литовцы и белорусы, живут исключительно в пределах довоенной России; другие, как украинцы и поляки — частью в России, частью в других государствах; третьи, как румыны и болгары, живя в своей массе самостоятельным политическим организмом, образовали на Украине многочисленные колонии; наконец, четвертые, как сербы или словаки, живя вне указанных пределов, обнаруживают связи с основными народностями Отделения, или оказывают влияние на их этнографические особенности.

В виду изложенного Второе Отделение заключает в себе коллекции по быту украинцев, белорусов, литовцев, латышей, поляков, чехов, словаков, сербов, болгар, румын и евреев. Следовательно, оно обнимает западную и южную части Европейской России и земли зарубежных славян. Наиболее полно и подробно представлены украинцы и белорусы; зарубежные славяне, за исключением австрийских украинцев, представлены пока коллекциями, имеющими значение сравнительного материала, который должен быть значительно пополнен. Коллекции по этнографии украинцев занимают центральное место в Отделении, как по своему значению, так и по количеству материала.

Отделение помещается в правом крыле нижнего этажа здания Этнографического Отдела и занимает пять зал.

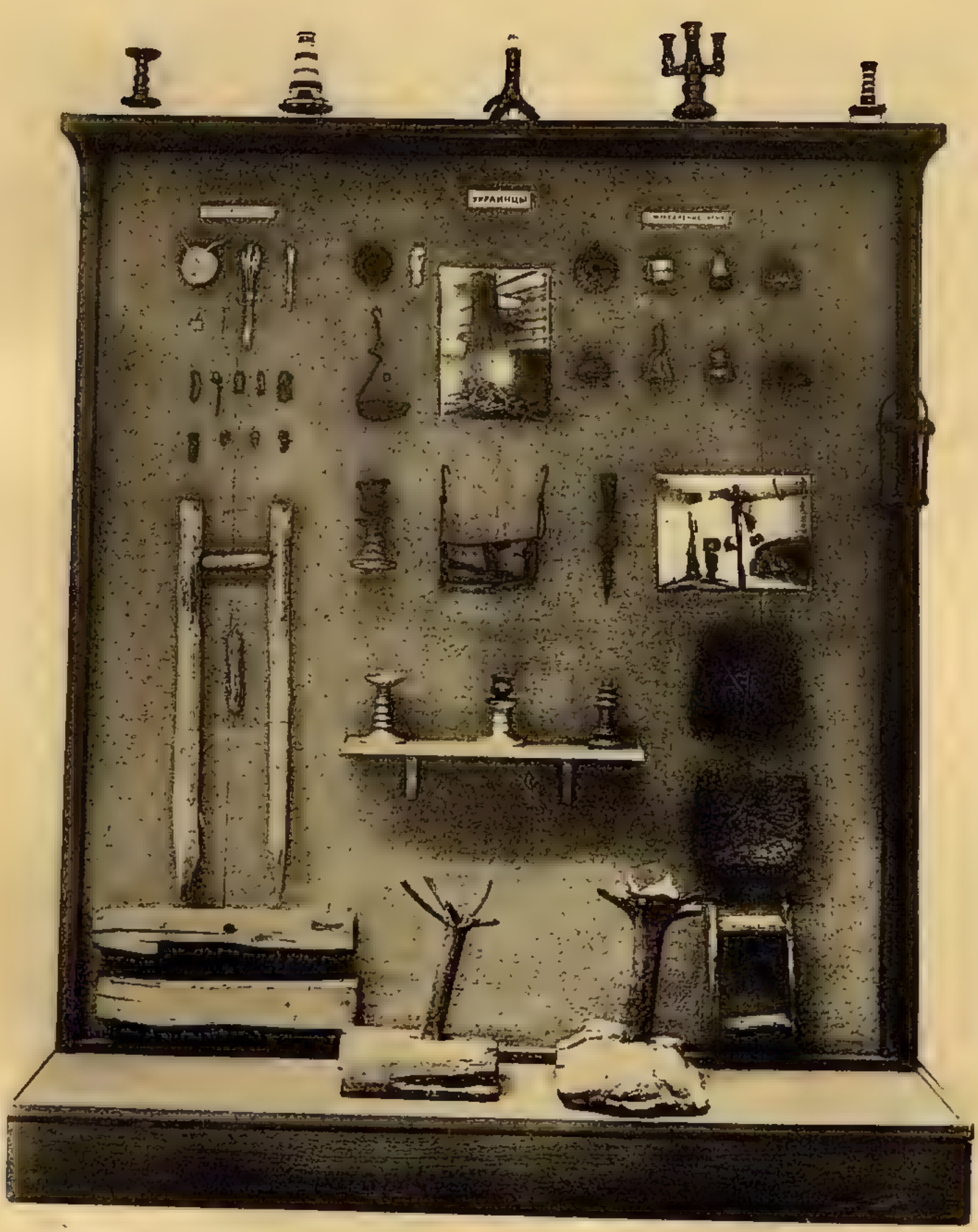
Украинские коллекции занимают большую центральную залу VIII и смежную боковую IX. Мане-

кены с костюмами из разных местностей Украины размещены в шкафах, идущих в три ряда и заключающих в себе костюмы северной, средней и южной Украины; костюмы карпатских горцев помещены в шкафах, расположенных в простенках боковой залы. В конце этой же залы находится шкаф с костюмами украинцев-мещан и застекленные щиты, на которых показаны разновидности однородных частей одежды. Наиболее подробно представлен костюм Центральной Украины, где он приобрел наибольшую устойчивость и законченность, и краски его достигли наибольшей гармонии и мягкости. Вместе с тем этот костюм, распространенный и обычный на значительном пространстве, стал характерным для Украины, и именно с ним связывается наше представление об украинском костюме. В костюмах остальных местностей отмечаются отличия от костюма центральной Украины, причем, в свою очередь, выделяются северо-западная и западная части Украины, как более интересные и значительные в этнографическом отношении. Выставленное собрание украинских костюмов является одним из лучших собраний Второго Отделения и вместе с предметами, хранящимися в резерве, дает возможность подробно изучать украинскую одежду. Весь остальной этнографический материал, собранный в различных местностях Украины, показан на открытых и застекленных щитах в виде общих для всей Украины коллекций по данному вопросу. При этом щиты,

шкафы и пр. с предметами, относящимися к добыванию пищи, народной технике, искусству, домашнему хозяйству, постройкам и одежде, объединены территориально в большие группы выставочных единиц, посвященных одной и той же области народного быта. У входа в большой зал из вестибюля расположены предметы скотоводства, земледелия и рыболовства. Хорошая коллекция земледельческих орудий дает полную картину народного сельского хозяйства, особенно если дополнить ее осмотром находящихся в соседнем зале земледельческих орудий белорусов и литовцев. Народная техника и предметы передвижения выставлены в другом конце зала, у лестницы. Здесь, кроме керамики, коллекции которой в Отделении чрезвычайно богаты и полны, надо отметить собрания коллекций по золотарству, обработке кожи и выделке ложек. Средняя часть центрального зала занята народным искусством. Здесь выставлены коллекции фигурной керамики и игрушек, стекло, резьба по дереву, крашеное дерево, писанки. К этой же группе относятся щиты с росписью мисок, выставленные у лестницы, ковры на стене над лестницей и в шкафах с манекенами, где они составляют задний фон и размещены по месту своего происхождения. Вышивки сведены в систематические коллекции по технике шитья, по способу расцветки, по орнаменту и по местностям, причем везде взяты лишь основные мотивы и характерные вещи. Знаменитые вышивки

украинских подризников выставлены на высокой витрине посреди зала. Коллекции стекла, ковров и вышивок, наравне с одеждой и керамикой, являются лучшими собраниями Отделения. Надо еще отметить помещенный в этой зале старинный чумацкий воз, прекрасно сохранившийся, украшенный резьбой и покрытый сверху огромной кожей. В зале IX возле гуцульской печи сосредоточены щиты с предметами домашнего хозяйства — кухонные и столовые принадлежности, предметы для добывания и употребления воды и стирки белья. Постройки представлены почти исключительно фотографиями, размещенными на двух щитах, где показана типичная хата, способы постройки и виды дворов разного типа, и на четырех простенках, где можно ознакомиться более подробно с видом украинских селений и жилищ разных местностей Украины. Отдельный щит отведен под фотографии церквей, во всем разнообразии которых не трудно проследить один и тот же тип украинского храма. В конце зала помещены щиты с предметами первоначального воспитания детей и игрушками.

В следующем зале X выставлены коллекции, собранные у румын, болгар и сербов. Они дают богатый сравнительный материал и позволяют проследить связь подолян, буковинцев и гуцулов, а через них и остальных украинцев с румынами и южными славянами. Коллекции по этим народам собирались как в их колониях на Украине, так и за границей,



Украина. Пользование огнем. Зал VIII

в пределах балканских королевств. К сожалению, собранного материала недостаточно, чтобы дать полную картину их быта; только одежда, вышивки и отчасти керамика представлены достаточно ярко. Румынские и болгарские костюмы, собранные в украинских колониях и в королевствах показаны отдельно; сербские — все происходят из королевства. Кроме костюмов надо отметить еще румынские и болгарские, особенно македонские, вышивки и румынские и сербские ковры.

Зал XI отведен коллекциям, собранным у западных славян. Здесь, прежде всего у чехов и словаков отмечаются черты, родственные украинцам, хотя и в меньшем количестве и меньшего значения, чем у балканских народов. Кроме нескольких манекенов с костюмами, мы имеем хорошую обстановку жилища, характерную керамику, много вышивок и предметов народных развлечений.

У поляков, к сожалению, коллекции не были собраны так систематично и подробно, как это необходимо для Второго Отделения в виду значения польской культуры. Кроме серии костюмов из разных местностей Польши следует отметить хорошее собрание бумажных украшений жилищ, некоторые характерные предметы обихода и прекрасную коллекцию слуцких поясов, имеющих, главным образом, историческое значение.

Белорусские, литовские и латышские коллекции выставлены в зале VII. Из них наибольшее

значение имеют белорусские. Они собраны более подробно и систематически и несмотря на то, что сборы не захватили восточную часть—Смоленскую губ., и мало производились в Витебской и Виленской губ., все же картина белорусского быта получается полная. Манекены размещены в четырех шкафах и позволяют проследить общее изменение костюма по направлению с запада на восток, давая варианты сравнительно однообразной одежды и позволяя сделать некоторые любопытные сопоставления с костюмами северной Украины, особенно украинского Полесья, а равным образом, в западной части, с костюмами Польши. Щиты с остальными коллекциями объединены в такие же группы по темам, как и украинские. Надо отметить предметы, относящиеся к бортничеству, выставленные совместно как белорусские, так и украинские, крайне примитивные сельско-хозяйственные орудия и бедность керамики. При осмотре белорусской залы легко убедиться в чрезвычайной близости быта белорусского и украинского, особенно в некоторых частях. Из отдельных предметов надо отметить белорусский вертеп, хорошо сохранившийся, с обширной коллекцией действующих лиц.

Гораздо беднее коллекции по быту литовцев и латышей. Для Отделения большой интерес представляют литовцы, так как многие стороны их быта близки к белорусскому. Их земледельческие орудия хорошо дополняют подобную же белорусскую коллек-

цию. Наиболее ценными являются костюмы, а также большая коллекция деревянных священных изображений. Латыши представлены костюмами и отдельными предметами обихода.

Отдельно в этой же зале выставлены коллекции по евреям из Белоруссии и Украины. Они состоят, главным образом, из предметов культовых и обрядовых; чисто бытового материала пока немного.

В задачи Третьяго Отделения входит изучение быта народностей, населяющих Кавказ, Туркестан, часть Поволжья и Крым в двух основных группировках — яфетической (коренное население Кавказа) и турецкой.

Народности Кавказа в отдельных своих частях издревле подверглись смешению с чуждыми им этническими элементами — арио-европейским, иранским и турецким; с другой стороны религиозные объединения и культурно-исторические влияния в одних случаях связали разноплеменные элементы, в других, напротив, разделили однородные этнические группы. В основе земледельческое, с более или менее развитым пастушеством, сохраняющим еще местами формы быта кочевого, коренное население Кавказа, естественно, и в бытовом отношении очень разнообразно.

Несмотря, однако, на все отличия, нередко весьма значительные, в культуре народностей Кавказа имеются черты, органически их связывающие в одну родственную семью. Черты эти большею частью имеют характер очень древних образований.

. . . .

Обе этнические группировки, яфетическая и турецкая, находятся на Кавказе в тесной связи. Ряд народностей, говорящих на турецких языках, образовался от смешения турецких племен с коренными обитателями Кавказа, восприняв вместе с этим исконные для Кавказа формы быта. С другой стороны, хотя и в меньшей степени, у коренного населения Кавказа, главным образом, северного, заметны некоторые заимствования от кочевых турков.

Турецкая группа народностей, сложная в племенном составе, разнообразна и в бытовом отношении. Оседлое население Туркестана, в частности, имеет высоко развитую городскую, земледельческую и ремесленную культуры. Крымские, казанские и другие татары, в большей или меньшей степени смешавшиеся с иноплеменными им элементами, в бытовом укладе значительно обособились в семье турецких племен. Хорошо сохранившийся кочевнический образ жизни с развитым скотоводческим хозяйством имеется только у киргизов, у прочих же турецких племен наблюдаются последовательные переходы от кочевого быта к оседлому.

Третье отделение помещается в верхнем этаже левого крыла здания Этнографического Отдела и занимает восемь зал.

В зале XXII выставлены коллекции, характеризующие быт курдов, сохраняющих в пережиточных формах пастушеский быт. Рядом с курдами помещены сирийцы (айсоры).

Во второй половине того же зала размещены материалы характеризующие армян, народность с древней письменностью и развитой культурой. Помимо костюмов (Ванского района, Ахалцыха, Тифлиса, Шуши) в зале выставлены образцы вышивок и ювелирных изделий.

В зале XIV выставлена основная часть грузинского (картвельского) племенного объединения. Грузины — картвелы, носители исторической культуры с древней письменностью, земледельческое и городское население западной части Закавказья. Костюмы грузин представлены в двух шкафах в комплексах, отвечающих высшему классу и крестьянам. Здесь же выставлен и костюм ингилоя, в основных чертах старо-грузинский. В другой половине зала размещены грузинские племена — аджарцы (мусульмане), гурийцы и лазы (чаны). Эти народности в материальной стороне быта примыкают к прибрежному малоазиатскому району.

Коллекции, характеризующие земледелие, а также виноделие, рыбную ловлю, гончарство, работы по металлу и проч. выставлены совместно для всех перечисленных народностей. В этом же зале в особом шкафу и двух витринах представлены изделия и инструменты серебряных дел мастеров Закавказья.

В зале XV, рядом с грузинским залом, помещается сравнительная коллекция связанной с пищей утвари. В половине этого зала выставлены народности, вхо-

дящие по языку и религиозному объединению в грузинскую группу — хевсуры, сваны, туши, пшавы, составляющие северную, горную ее часть.

В хевсурских собраниях особого внимания заслуживает костюм жреца с предметами культа и хевсурское вооружение, сохранившееся в своих древних формах до настоящего времени. Абхазы представлены полным костюмом охотника и коллекцией утвари и орудий земледельческих и ремесленных. Предметы языческого культа абхазов помещены в шкафу со сравнительной выставкой религиозных предметов (в конце зала). Рядом с абхазами представлены костюмы и бытовые предметы черкесов и кабардинцев. Здесь же выставлены, пока небольшие, коллекции осетинов, чеченов и ингушей. Из числа народностей Дагестана в настоящее время представляется возможным выставить лишь немногие. Кубечи представлены двумя костюмами (в том числе мужской старинный), обрядовыми нарядами (один из них в маске) и рядом украшений, выставленных вместе с остальными дагестанскими украшениями. Весьма интересна одежда даргинцев, сохранившая древние черты.

Наиболее значительная численно народность Дагестана, авары представлена сравнительно полнее. В аварских женских костюмах обращают на себя внимание многие местные отличия. Образцы своеобразных аварских и кюринских ковров показаны на фоне шкафов.

К этой восточной ветви коренного северо-кавказского населения примыкают с запада две группы — андийская и дидойская. К андийской группе, из представленных на выставке народностей, принадлежат квандии (багулалы), ботлихцы и каратаи. На манекенах указанных трех народностей видны некоторые особенности женских костюмов, сохраняющие легко различаемые черты архаизма (древнего типа височные кольца, обувь и др.).

Дидойская группа представлена дидоями (цецы) и капучинами (бешитль). Здесь должны быть отмечены древние пережиточные формы, сохранившиеся в быту этих народностей как в костюме и украшениях, так и в утвари и прочих сторонах быта, в особенности у дидоев.

В XV же зале выставлены кавказские евреи, представленные женскими костюмами из Дербента, Кубы и Ахалцыха, вышивками и предметами культа.

На галлерее зала XVII представлены кочевые турки Предкавказья — ставропольские туркмены и караногайцы в типичных костюмах с украшениями, образцами узорчатых войлоков (части кибиток). Горские турки (карачайцы) характеризуются небольшой коллекцией. Несравненно полнее представлены азербейджанцы, оседлое и земледельческое население восточного Закавказья, местами сохранившее до сих пор пастушеско-кочевой образ жизни. В материальной культуре этого народа сле-

дует отметить керамические изделия, изделия из металла, производство серебряных и золотых украшений (см. сравнит. выст. в зале XIV) и, наконец, ковровые изделия и вышивки.

Образцы азербейджанских ковров, тканей и вышивок выставлены отчасти в шкафах, а частью на прилегающих щитах и на стенах соседнего зала XVIII. Образец малого коврового станка выставлен в шкафу вместе с манекеном ткачихи в процессе работы.

В зале XVIII, помимо азербейджанских, выставлено несколько ковров Бакинской губернии, работы татов (Кубинский ковровый район).

Помимо размещенных при соответствующих этнических группировках, некоторые предметы материального быта народностей Кавказа выделены особо и из них составлены сравнительные выставки: головных уборов, образцов обуви и вязаных чулок, металлической посуды, предметов вооружения и разнообразной керамики, сохраняющей во многих местах весьма древние формы. В особом шкафу выставлены также предметы, характеризующие пережитки древней языческой религии Кавказа: разнообразные амулеты, жертвенные предметы, рога жертвенных животных, наковальня абхазского кузнеца (связанная с религиозными обрядностями) и друг.

Непосредственно к сравнительной выставке примыкают коллекции предметов древнего быта населения Кавказа. Древнейшая металлическая эпоха (медь)

Кавказ. Хевсуры. Зал XV

представлена всего несколькими предметами. Значительно полнее иллюстрирована широко распространенная культура бронзовой и железной эпохи с характерной для нее высоко развитой керамикой. Древние культуры Среднего Кавказа, представленные рядом коллекций из Осетии, интересные по своей связи с современным бытом местного горного населения и Дагестана. Особо выставлены поздние курганные культуры Северного Кавказа (связанные с плем. адиге) и тесно примыкающие к ним приморские культуры.

В оригинале представлены: медный гроб (из Абхазии), урны с сожженными костями и деревянный ящик, служивший для той же цели.

В зале XXI размещены коллекции, характеризующие культуру оседлого населения Туркестана, сложившуюся на основе земледельческого и городского быта. Среди костюмов этого населения мы имеем праздничные и обыденные. Несколько отличными по культуре являются кашгарцы, в костюме и художественных формах изделий которых сказывается китайское влияние.

Богатая керамика Туркестана, имеющая значительные местные отличия, выставлена в небольшом типологическом подборе, также как кожанные и металлические изделия. Следует отметить вышивки в виде шитья серебром, шелками на предметах костюмов, частях конских уборов и предметах домашнего убранства.

Деревянная резьба выставлена в образцах как старых (резные двери мечетей), так и современных.

В средине зала обращает на себя внимание в особом шкафу кукольный театр с манекеном актера в момент представления. Здесь же выставлены два набора кукол, соответствующие двум разным текстам, а также и иные принадлежности театра. Вместе с этим театром выставлены и прозрачные фигуры турецкого (османского) теневого театра. В этом же зале помещается коллекция музыкальных инструментов оседлого населения Туркестана, киргизских и башкирских.

В зале XIX выставлены образцы узбекских ковровых изделий и вышивок, подобранных по орнаментальным типам и назначению изделий.

В зале XX выставлены коллекции туркмен, киргизов и башкир, а также некоторые бытовые предметы, характерные для всего Туркестана. К этим последним относятся: костюм и разного рода символические предметы дервишей с дополнением нескольких аналогичных персидских предметов. Два шкафа заняты упряжными и вьючными принадлежностями, употребляемыми в Туркестане для лошадей и верблюдов.

Помимо костюмов, туркмены представлены значительной коллекцией их ковровых изделий, так как одной из отличительных особенностей туркменских племен является высоко развитое ковровое производ-

ство, первоначально служившее целям убранства кибиток, а также изготовления вьючных мешков.

Киргизы-казаки (вместе с кара-киргизами) представлены рядом костюмов, отвечающих племенным и бытовым их особенностям. В отдельном шкафу представлен костюм невесты вместе с отдельными его частями и другими женскими украшениями.

Киргизские войлочные узорчатые ковры выставлены на фоне шкафов. Особый шкаф отведен и для предметов, относящихся к уходу за скотом.

Башкиры представлены полно и дают представление о быте как степной, так и лесной частей этого народа. Костюмы выставлены на ряде манекенов. Кроме того отдельные части одежды с вышивками и украшениями размещены особо в порядке серий сравнительного характера.

Орудия земледелия, пчеловодства, молочное хозяйство и соответствующая утварь, а также инструменты для обработки дерева выставлены на щитах.

Половина зала XVII (на галлерее) занята коллекциями, характеризующими быт татар Европейской России и Крыма.

Четвертое Отделение народностей Сибири и Дальнего Востока с Секцией Буддизма обнимает собою коренное население Северной Азии, от Урала до Тихого Океана и от Центрально-Азиатских пустынь до Ледовитого моря.

Своеобразный сибирский ландшафт—приполярные тундры, таежные леса, горные массивы с суровыми полупустынями наложили свой отпечаток на разнородное население этого края. Медленно и постепенно втянутое русской колонизацией в круг мировой экономической жизни население это, частью приобщилось к русской культуре, местами, напротив, растворило пришельцев или, заняв новые территории, сильно видоизменилось под влиянием новой среды и сношений с соседями. Тем не менее коренное население Сибири до сих пор еще сохранило своеобразные особенности своего быта, результат многовековой борьбы за существование в суровых природных условиях обитания.

Восточные финны на западе, кочевники турки в горах и на крайнем севере, бродячие тунгусские племена беспредельной тайги, оленеводы приполярной тундры, палеарктики и монгольские племена Центрального плоскогория и возвышенностей, племена самобытные и поддавшие влиянию культурных народов Востока и русских, составляют сложный конгломерат народов, входящих в состав Отделения.

Охота и рыбная ловля, оленеводство и бродячий образ жизни, шаманство, буддизм и многие другие бытовые черты, несмотря на все племенное разнообразие, объединяют народы Сибири и тесно связанные с ним народы Центральной и Восточной Азии за пределами Российской территории.

Сибирь. Зал XXIV

Отделение помещается в верхнем этаже правого крыла Отдела и занимает девять зал.

Зал XXIII посвящен сибирским туркам. Здесь помещены коллекции алтайцев, горных кочевников со своебразной пастушеско-охотничьей культурой. Жители Саянского нагорья сойоты (урянхи) представленны в Музее почти с исчерпывающей полнотой; их религиозный культ, частью ламаитский, частью шаманский, выставлен в особых шкафах. Рядом с сойотами находятся карагасы, крайне малочисленные бродячие охотники северного склона Саянского нагорья. Среди различных карагасских предметов особого внимания заслуживает своеобразный костюм шаманки. Значительную часть зала занимают минусинские турки— качинцы, сагайцы, кызыльцы и другие, выделяющиеся богатством и разнообразием своих костюмов, узорным шитьем, значительным собранием предметов культа, в частности тёс'ей (изображений духов и талисманов). В этом же зале временно помещены вогулы, финское племя, живущее по западным притокам Средней Оби, племя с типичной рыболовной и охотничьей примитивной культурой.

В зале XXIV с одной стороны помещены родственные вогулам, сибирские финны остяки и рядом с ними самоеды, а с другой — якуты, долгане, юкагиры, коряки и алеуты. Шкафы со сравнительными коллекциями кукол и детских игрушек отделяют самоедов от удаленных от них тихоокеанских алеутов.

Расселившиеся на обширной территории остяки на юго-западе сохранили типичные для финнов шитье и одежду, на северо-востоке многое восприняли от своих приполярных соседей самоедов. Особого упоминания заслуживают собрания предметов культа, охоты, рыболовства и техники. Рядом с обскими и енисейскими остяками мы имеем приполярных кочевников-оленеводов, обских и архангельских самоедов, юраков и самоедов Туруханского края в красочных одеждах из оленьего меха и гагарьих шкурок.

В противоположной остякам и самоедам половине зала размещены якуты, приполярная группа сибирских турков, сравнительно недавно проникшая на север, чрезвычайно поучительная удивительным сочетанием скотоводческой культуры степей с кожаной посудой и молочным хозяйством, с одной стороны, и северного оленеводства, с другой. Чеканные серебряные украшения архаических форм, поделки из мамонтовой кости, богатая конская упряжь и принадлежности шаманского культа здесь особенно примечательны. Долгане, — объякутившиеся тунгусы, сохранившие еще в одежде и занятиях общие со своими соплеменниками черты, — юкагиры и коряки непосредственно примыкают к собраниям алеутов. Алеутские, как и эскимосские (зал XXVII), коллекции Отделения очень ценны тем, что собраны были еще в первой половине прошлого века, когда Алеутские острова и Аляска принадлежали России. Поразительной работы

орудия морского промысла и костюмы из кишок морского зверя вместе с байдарами являются лучшими образцами этой высокой приполярной культуры. Здесь же в особом шкафу помещена сравнительная коллекция костяных поделок народностей крайней северо-восточной Сибири и витрина с редчайшими предметами из древних стоянок на азиатском побережьи Берингова моря и Тихого океана.

В XXV и XXVI залах-галлереях размещены коллекции корейцев, айнов с островов Иезо и Сахалина, гиляков и гольдов. Весьма типична айнская одежда из крапивных узорных тканей, серийные собрания предметов обработки волокнистых веществ, характерная резная посуда и изыскано орнаментированные палочки для поддержки усов при питье. Всего замечательнее у айнов культ медведя и «инау». Гиляки, живущие совместно с айнами на о. Сахалине и в низовьи р. Амура, гольды Приморской области в типичных для них своеобразно орнаментированных одеждах из рыбьей кожи занимают противоположную айнам половину галлерей. Полные и ценные собрания бытовых и культовых предметов гиляков и гольдов должны быть отмечены особо.

В зале XXVII помещены коллекции предметов охоты, утвари, культа медведя и шаманских принадлежностей, родственных гольдам, ольчей, южной ветви тунгусского племени; здесь же находится гробница ороков с о. Сахалина, быт которых представлен в следующем зале.

Центр зала XXVIII занимает юрта ороков, крытая рыбьей кожей. Внутри юрты среди домашней обстановки у очага расположена группа. При входе в этот зал из зала XXIV размещены коллекции эскимосов и рядом с ними чукчей. Последние занимают большую часть залы. В ряде шкафов размещены манекены чукчей в древнем вооружении, в промысловых и повседневных костюмах, в костюмах шаманских. На щитах и над шкафами — орудия промысла, средства передвижения, жирники-лампы древних форм и проч. Совместно с чукчами выставлены так наз. марковцы (русские Анадырского края). Коллекции марковцев являются ярким образчиком влияния приполярной, в частности чукотской, культуры на быт русских поселенцев. Должен быть особо отмечен шкаф с похоронными костюмами коряков, ламутов и орочен весьма тонкой и художественной работы. Рядом с тунгусским залом (XXIX) находится крайняя северо-восточная ветвь тунгусского племени — ламуты с характерным для тунгусов покроем одежды, бисерным шитьем и своеобразными шаманскими костюмами.

Зал XXIX посвящен тунгусским племенам — орочёнам, орочам и собственно тунгусам. Тунгусское мольбище с р. Подкаменной Тунгуски, детские погребения, многочисленные собрания предметов культа с несколькими шаманскими облачениями, увешанными металлическими подвесками символического значения, своеобразная одежда и средства передвижения заслу-

Рай Сукавати. Зал XXXII

..
ж
бр

п
ч
п
п
э
г
д
м

т
к
с

с
б

Г
т
д
т
б
ы
б
т
г

живают особого внимания в этом зале исконных бродячих охотников и оленеводов Сибирской тайги.

В зале XXX размещены буряты с редкими по полноте, ценными собраниями предметов культа, начиная с многочисленных предметов шаманизма, большой серии «онгонов» (изображений духов) и кончая погребением шаманки. Здесь же помещаются коллекции астраханских калмыков и монголов—халхасцев с богатым конским снаряжением. В этом же зале находятся кроме того буддийские ламы и серия предметов, употребляющихся при ламаитском богослужении.

В зале XXXI выставлено небольшое собрание китайских предметов, имеющее для Отделения, равно как и корейские коллекции в соседней галлерее (XXVI), сравнительно-этнографическое значение.

К китайским собраниям этого зала и ламаитским соседнего непосредственно примыкает зал Секции буддизма.

В Секции Буддизма собраны предметы культа, характеризующего религиозный быт северного буддизма, т. наз. Махаяны (т. е. «Великой Колесницы») в его двух разветвлениях — ламаизме и фоизме. Вследствие того, что большинство буддистов России — монголы, буряты, калмыки — ламаиты, ламайские собрания Секции естественно значительно богаче, чем коллекции по буддизму китайскому, японскому и корейскому (фоизму). Значительно слабей представлен в Секции буддизм южный (т. наз. Хинаяна или «Малая Колесница»).

В основание Секции легла принесенная в дар Музею Николаем II коллекция Э. Э. Ухтомского. Непрерывными поступлениями коллекция эта значительно пополнилась, и теперь Секция Буддизма является одним из крупнейших в мире собранием предметов буддийского культа.

За ограниченностью места, на выставке представлена лишь небольшая часть собраний секции и только коллекции из Хара-Хото выставлены с значительной полнотою.

Коллекции Буддийской Секции помещаются в XXXII зале. При входе в этот зал стоят два стража, обычно являющиеся хранителями дверей храма. В самом зале большим числом бурханов — живописных или образов и литых, лепных, резных штампованных статуэток — представлен богатейший пантеон ламаизма в его главнейших представителях — буддах, бодисатвах, святых, докшитах и др. божествах. Живописные бурханы, образа, писанные на холсте, бумаге и дереве, размещенные на щитах, представляют жизнь Будды Шакьямуни от его схождения с неба Тушита до великой Нирваны и чудотворения Будды. В ряде образов представлены будды, как основатель буддизма Шакьямуни, особенно в наиболее почитаемом положении, т. наз. Алмазопрестольный, так и другие будды, вочеловечивавшиеся или доступные только созерцанию (будда Амитаба и другие). Особенно богаты собрания бодисатв, совершенных просветленных существ буд-

дийского пантеона, которым предназначено быть буддами. Наибольшее богатство изображений бодисатвы Авалокитешвары или Падмапани, воплощением которого является Далай-Лама, бодисатвы Амитаюса, подателя долговечности и бодисатвы Майтреи, грядущего будды нашего мирового периода. Из женских бодисатв полнее всего представлены наиболее популярные Тары, белая и зеленая. За бодисатвами идут образа святых—архатов и лам — учителей буддизма; одни из них принесли его из Индии, другие сделали больший или меньший вклад в развитие буддизма на севере. За архатами и святыми следуют изображения ужасных на вид идам, чойчжонов, докшитов, хранителей буддизма и его законов, своим страшным видом, обращенным против злых, они наводят ужас на противников добра. Далее на живописных бурханах представлены божества—хранители стран света, защитники на войне, податели земных благ. В ряде живописных бурханов мы имеем изображения наиболее почитаемых ламаитами священных мест — Лхассы, резиденции Далай-Ламы, верховного главы ламаитов и У-тай шаня, а также мандалы — круги, изображающие планы чертогов различных членов пантеона, и круг тленного мира Сансары, который дает наглядное представление учения будды для народа. Литые и резные бурханы, размещенные в шкафах, представляют те же персонажи пантеона в их разнообразных видах. Ламайский пантеон представлен еще в миниатюрных бурханах, литых преиму-

щественно из бронзы, живописных и глиняных, штампованных из различных цветов глины, широко распространенных среди беднейшего населения.

Ламайский пантеон дополняется раем «блаженства» Сукавати, известным также под монгольским названием Диваджин, будды Амитабы, будды безмерного блеска. Изображение рая исполнено в забайкальских дацанах Гусиноозерском и Гегетуевском по образцу диваджина Гусиноозерского дацана. В центре здесь находится большая статуя будды Амитабы, излучением которого является стоящий на переднем плане на лотосе будда Шакьямуни. По обеим сторонам Амитабы стоят бодисатвы, ниже святые, души добрых выходят из раскрывающихся лотосов; над деревьями в облаках — боги, поющие и играющие. В отдельных пагодах сидят бодисатвы и святые. Ламайские собрания этого зала завершаются представлением широкораспространенной среди ламаитов мистерии — цам.

Фоистические собрания секции значительнее беднее ламаитских и выставлены главным образом для сравнения с последними. Тут имеется подобная же серия образов, представляющих бодисатв (японских), архатов, круг сансары, изображения божеств. Статуэтки, размещенные в шкафах, представляют фоистический пантеон; здесь те же будды, бодисатвы, архаты, хранители закона, спутники, стражи храмов. Центральной фигурой среди фоистических собраний является большая статуя будды, вывезенная из Японии. Ряд

киотов божниц различного размера и формы заключают в себе изображения будды или еще чаще бодисатвы Кван-йин (японс. Кванон) и др. божеств. И в ламайской и в фоистической частях залы размещены ступы (субурганы) — памятники и пагоды (в миниатюрах), а также курильницы и музыкальные инструменты, употребляемые при буддийских богослужениях.

Особое положение в этом зале занимает собрание, вывезенное в 1908—9 гг. П. К. Козловым из гор. Хара-Хото, разрушенного в XIV веке и раскопанного в начале нынешнего столетия. В состав собрания входит большое количество образов и картин, статуэток, штампованных изображений преимущественно будд, штампов, ступ и др. предметов культа. Входящие в состав собрания образа по манере письма разделяются на два ясно выраженных типа — образа ламайского и образа китайского типа. Большинство и тех и других сохранились превосходно; краски их хотя и не так ярки, как на современных, но значительно мягче; по художественности исполнения они значительно выше современных образов. Этим они дают возможность судить о высоте буддийского искусства иконописания 6—8 столетий тому назад. Особенно заметно на этих образах влияние грекоиндийское, так как в буддийском искусстве того времени влияние классических образцов выражалось яснее. Представляемые собранием Хара-Хото члены буддий-

ского пантеона тождественны с почитаемыми теперь, хотя в композиции образов иногда и наблюдаются отличия. Большая древность этих образов, их высокая художественность делают это собрание единственным в мире по значению в истории буддизма и буддийского иконописания. После образов, особого внимания заслуживает чрезвычайно редкая статуэтка будды с двумя головами.

Собраниями секции занята также часть зала XXX, где в шкафах представлены ламы разных рангов в обычном одеянии, торжественное облачение ламы, различные сосуды и другие предметы, употребляемые при богослужении. Среди них особого внимания заслуживает ваджра, которая при буддийском богослужении имеет то же значение, что при христианском — крест, капала — чаша из человеческого черепа и молитвенные вертушки.

Секция Палеоэтнографии учреждена при Этнографическом Отделе только в конце 1922 года, хотя уже в самом начале деятельности Музея стало очевидным, что при изучении материального и духовного быта народностей России нельзя ограничиться изучением только современного его быта. Быт каждой народности есть результат многовековой жизни, слагавшейся под влиянием разнообразных внутренних причин и внешних условий. Природные условия обитания, смешение с другими народностями или заимствования от чуждых по происхождению со-

седей неизбежно сказались на быте каждой народности.

Поэтому, при анализе быта современного населения России совершенно неизбежно обратиться к ископаемым остаткам, которые с одной стороны становятся нам понятными при свете современной этнографии, а с другой уясняют пути культурного развития современных народностей и культурные между ними взаимоотношения.

В процессе естественного развития вместе с предметами живого быта Отдел накоплял и палеоэтнографические коллекции, при чем с 1908 года поступления в Отдел собраний древностей стали уже систематичны. Путем самостоятельных раскопок, покупкой отдельных коллекций, регулярными передачами б. Археологической Комиссии и частными пожертвованиями в Отделе образовался настолько значительный фонд палеоэтнографических коллекций, что явилось необходимым учредить особую Секцию Палеоэтнографии.

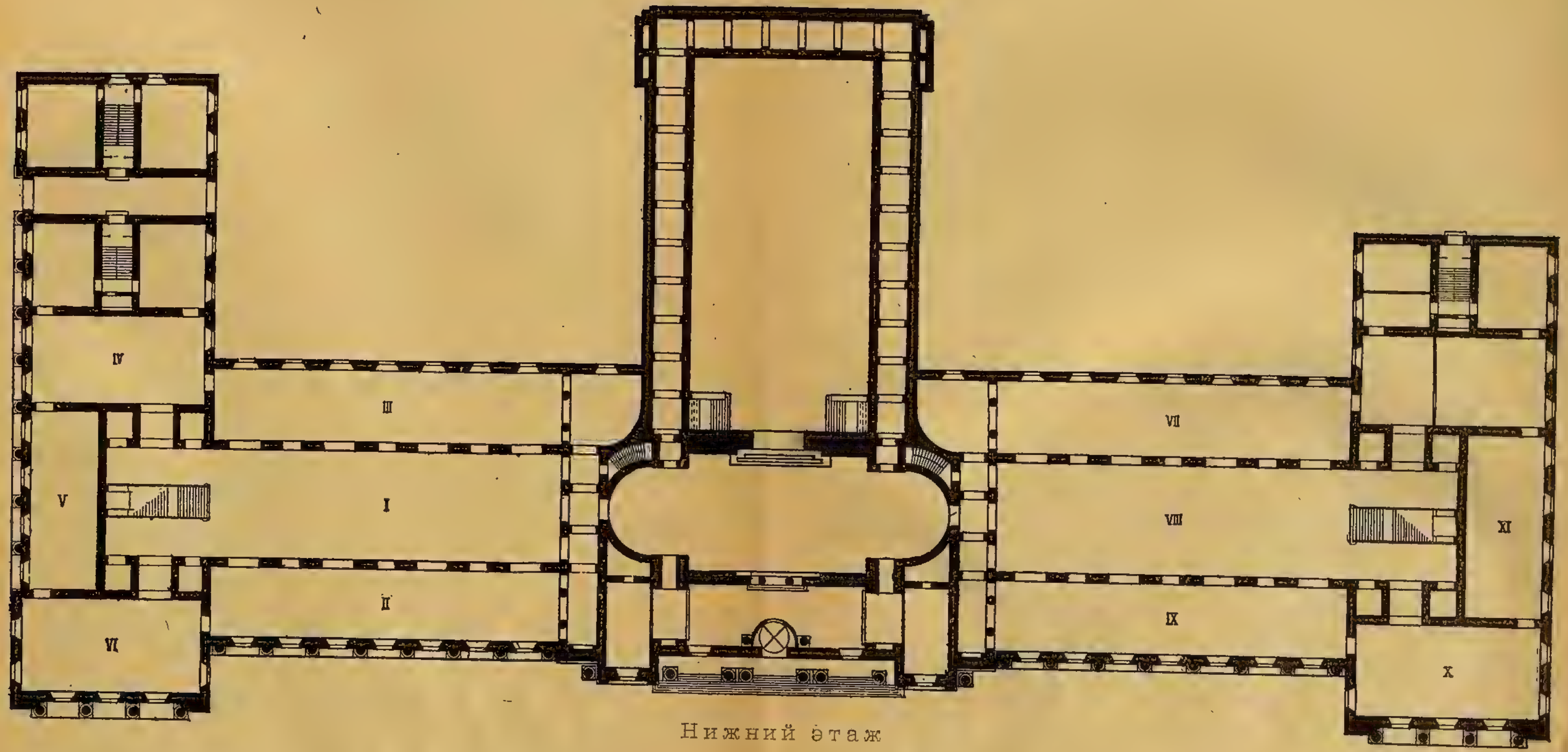
По условиям техническим в настоящее время не представилось возможным отвести особое выставочное помещение для Секции, и только незначительная часть ее собраний нашла себе место на выставке вместе с коллекциями этнографическими.

В зале II Первого Отделения выставлена небольшая часть коллекции из городища Старая Ладога; в зале IV — предметы из черемисского могильника и болгарские древности. В зале XV Третьего Отделения выставлены

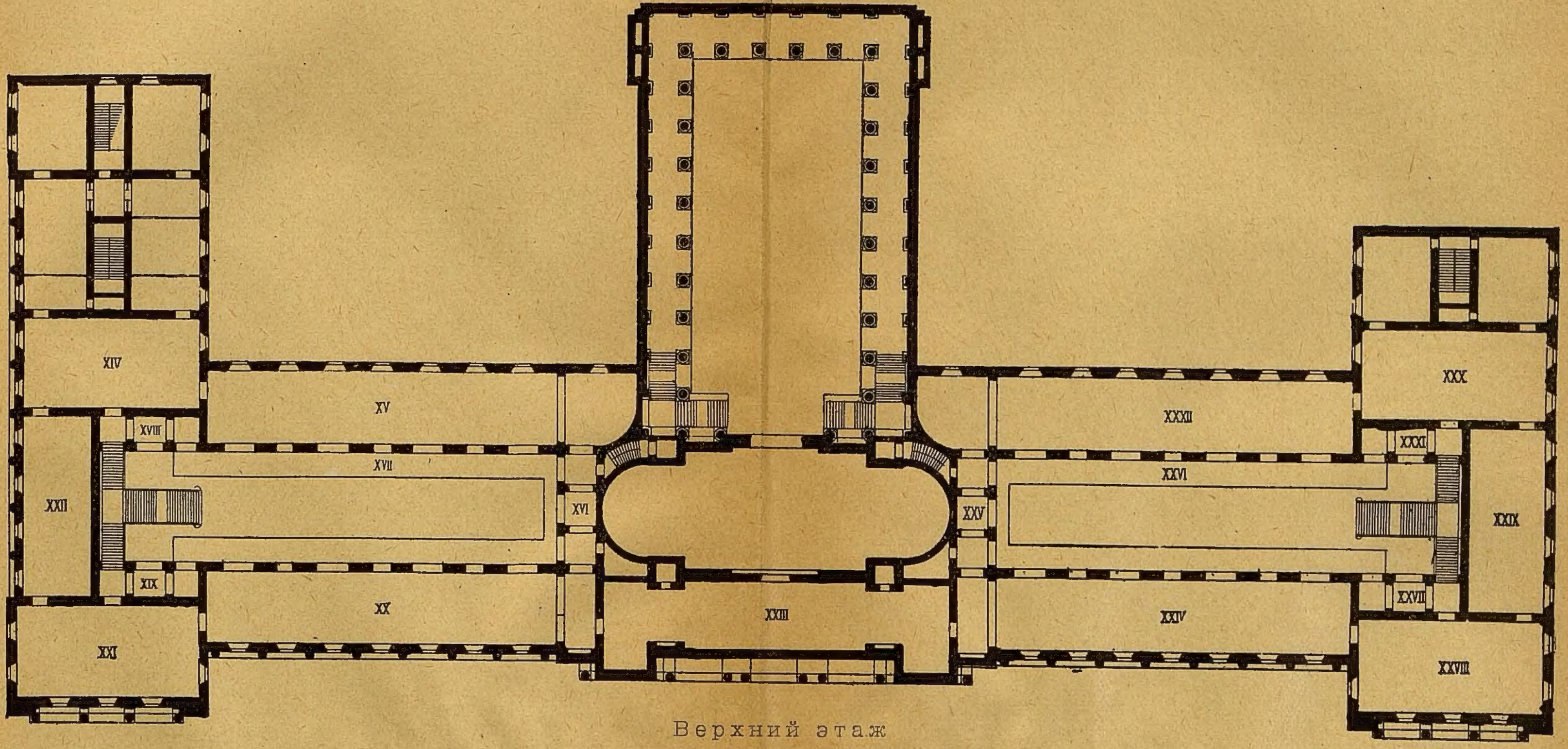
....

значительные собрания по древним культурам Кавказа. В зале XXIII Четвертого Отделения находится витрина с древностями Минусинского края, а в зале XXIV помещаются предметы из остяцкого могильника и коллекции из древних стоянок с чукотского побережья Берингова моря и с Камчатки.

3 июня 1923 г.



Нижний этаж



Верхний этаж